

DOI 10.35775/PSI.2025.129.12.029

УДК 32.327

Г.Э. АББАСОВ

аспирант Казанского (Приволжского)
федерального университета, Россия, Республика
Татарстан, г. Казань

СОВРЕМЕННАЯ МНОГОСТОРОННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: УНИВЕРСАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Статья исследует трансформацию многосторонних механизмов международного взаимодействия в условиях усиливающейся фрагментации мировой системы. Снижение эффективности универсальных институтов, таких как ООН, стимулирует развитие регионализированных форматов сотрудничества, обладающих большей гибкостью, оперативностью и легитимностью. Анализ опирается на работы А. Ачарьи [17], С. Уолта [20], Ч. Купчана [19] и концепцию «новой регионализированной многосторонности» Л. Фоссетт [18]. Российские исследования, включая труды А. Дугина [7], Т. Бордачева [3], Ф. Лукьянова [10] и К. Затулина [14], подчеркивают роль цивилизационных и культурных факторов в формировании региональных моделей безопасности. Параллельно рассматриваются концепции ведущих китайских исследователей – Яна Сюэтуна [23], Ван Ивэя [21] и Чжан Вэйвэя [24], показывающие, что региональные коалиции становятся инструментом формирования альтернативных моделей глобального управления. Работа демонстрирует, что регионализованная многосторонность является ключевым элементом современной архитектуры мирового порядка.

Ключевые слова: международная безопасность, региональная многосторонность, фрагментация, региональные организации, глобальное управление, БРИКС, ООН.

Введение. Современная международная система переживает глубокие структурные изменения, обусловленные перераспределением сил, ростом многополярности и усложнением характера угроз. Универсальные институты, созданные во второй половине XX века, долгое время обеспечивали стабильность и координацию международных процессов, однако их эффективность постепенно снижается. Усиление соперничества ведущих держав затрудняет принятие решений в глобальных организациях, снижая оперативность реагирования на новые вызовы и ограничивая возможности универсальных институтов контролировать транснациональные угрозы, такие как киберконфликты, гибридные войны и глобальные сети транснациональной преступности [19; 20]. Эти процессы подтверждают выводы С. Уолта о кризисе универсальной многосторонности [20] и Ч. Купчана о дефиците легитимности глобальных институтов [19], а также концепцию Л. Фоссетт о постепенном смещении управленческих

функций на региональный уровень [18]. Российские исследования, включая работу «Россия и мир: риски и перспективы», демонстрируют, что современная международная система развивается через «конкурирующие региональные платформы», где евразийское пространство выделяется как ключевая зона интеграции, а региональные институты выполняют стратегическую роль в поддержании стабильности и безопасности [14]. Китайские ученые рассматривают международные отношения как арену взаимодействия конкурирующих цивилизационных моделей, где региональные коалиции, такие как БРИКС, ШОС и АСЕАН+, формируют альтернативные подходы к глобальному управлению, усиливая стратегическую автономию регионов [21; 23; 24].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4; 5; 6; 8; 9; 11; 12; 13; 15; 16].

Однако проблему трансформации многосторонних механизмов международного взаимодействия в условиях усиливающейся фрагментации мировой системы нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Универсальная многосторонность: потенциал и ограничения. Универсальная многосторонность долгое время служила фундаментом международной стабильности, опираясь на деятельность ООН и других глобальных институтов. Однако она сталкивается с рядом ограничений. Политизация решений и блокировки в Совете Безопасности, бюрократическая инерция, замедляющая реакцию на кризисные ситуации, а также появление новых типов угроз, выходящих за рамки мандатов универсальных институтов, значительно снижают ее эффективность [19; 20; 22; 25]. Вместе с тем универсальная многосторонность сохраняет нормативное и символическое значение, выступая основой международного права и дипломатии, что подтверждает ее непреходящую роль в формировании общих правил поведения государств [22].

Регионализованная многосторонность. Ключевые функции управления постепенно смещаются на региональный уровень, где организации обладают глубоким пониманием локального контекста, повышенной легитимностью среди участников и способностью оперативно реагировать на новые угрозы [18]. Региональные структуры, включая Африканский Союз, ЕС, АСЕАН, ОДКБ и ЛАГ, демонстрируют эффективность в миротворческих миссиях, стабилизации конфликтов и дипломатическом посредничестве, что делает их незаменимым элементом современного глобального управления [18].

Российская школа международных отношений подчеркивает, что специфика региональной многосторонности определяется цивилизационными, историко-политическими и социокультурными факторами. А. Дугин развивает цивилизационную парадигму многосторонности [7], Т. Бордачев анализирует трансформацию отношений России и Европы в постхолодную эпоху [3], а Ф. Лукьянов указывает на необходимость гибких многоуровневых форматов

безопасности [10]. Совокупность этих факторов демонстрирует, что региональные платформы становятся стратегически значимыми центрами влияния в глобальной системе [14].

В Китае ведущие исследователи интерпретируют региональные коалиции как инструмент формирования альтернативных моделей глобального управления. Ян Сюэтуан рассматривает БРИКС как объединение равных [23], Ван Ивэй связывает региональную интеграцию с проектом «Пояс и путь», создающим новую геоэкономическую инфраструктуру [21], а Чжан Вэйвэй акцентирует роль «цивилизационного государства», где региональные инициативы формируют альтернативные модели модернизации [24]. Эти подходы показывают, что регионализованная многосторонность способствует усилению стратегической автономии и формированию гибридной архитектуры мирового порядка [21; 23; 24].

Заключение. Фрагментация международной системы является структурным процессом, формирующим новые центры влияния и трансформирующим принципы глобального управления. Универсальная многосторонность сохраняет нормативное и символическое значение, однако ее способность оперативно реагировать на новые угрозы ограничена [19; 20; 22]. Регионализованные формы многосторонности демонстрируют явные преимущества: гибкость, адаптивность, легитимность и способность эффективно решать локальные и трансрегиональные проблемы [18; 19; 20; 22].

Современный мировой порядок складывается как многослойная архитектура, где глобальные институты задают рамки и стандарты, а региональные организации реализуют их на практике, обеспечивая безопасность, стабильность и стратегический баланс [18; 19; 20; 22]. Российская школа подчеркивает цивилизационные и культурные факторы, концепцию «множества центров правил» и стратегическую роль региональных платформ [3; 7; 10; 14], а китайская школа демонстрирует, что региональные коалиции могут формировать альтернативные модели глобального управления [19; 20; 22].

Таким образом, современная многосторонность развивается как гибридная многослойная система, где универсальные институты задают рамки, а региональные механизмы обеспечивают практическую реализацию, повышая эффективность, легитимность и адаптивность мировой системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Афиногенов Д.А., Стародуб И.В.** Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно-теоретическое осмысление проблемы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
2. **Бакиров Э.А.** Российско-Азербайджанское сотрудничество. Новые форматы (БРИКС и ШОС) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
3. **Бордачев Т.** Europe, Russia and the Liberal World Order. 2022 // <https://www.taylorfrancis.com/books/europe-russia-liberal-world-order-timofei-bordachev>.

4. Булва В.И. Институты сетевой дипломатии и глобальное управление в многополярном мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 6.
5. Ван Люин. Стратегический выбор стран глобального юга в условиях глубоких изменений, невиданных за последнее столетие // Вопросы политологии. 2025. № 4.
6. Волков А.П. Направления хозяйственного взаимодействия стран БРИКС как средство обеспечения экономического суверенитета в условиях кризиса системы глобального экономического управления // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
7. Дугин А.Г. Международные отношения: парадигмы, теории, социология. 2024 // <https://www.litres.ru/aleksandr-dugin/mezhdunarodnye-otnosheniya>.
8. Караванский А.С. Роль России и Китая в объединении БРИКС в условиях становления многополярного мира // Вопросы политологии. 2025. № 4.
9. Леон А.У. Политика Российской Федерации в отношении франкофонных стран Африки в 2011-2024 г. // Вопросы политологии. 2025. № 4.
10. Лукьянов Ф. Мир на взводе: пружина разжимается. 2021 // <https://eksmo.ru/book/mir-na-vzvide-pruzhina-razzhimaetsya>.
11. Медведев Н.П. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): основные направления деятельности (Часть II) // Вопросы политологии. 2025. № 4.
12. Медведев Н.П. Международные конфликты и многополярность мирового порядка // Вопросы политологии. 2024. № 8.
13. Прякин В.Ф. Демократия реальная и мнимая в идеологической борьбе за мультиполярную систему международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
14. Россия и мир: риски и перспективы. СПб.: СПбГУП, 2019 // <https://www.spbgup.ru>.
15. Хусаинова С.С. Геополитическое измерение евразийской интеграции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.
16. Ярар Мурат. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие Центральной Азии с использованием концепции неравномерного и комбинированного развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.
17. Acharya A. The End of American World Order. 2018 // <https://www.politybooks.com/bookdetail?productid>.
18. Fawcett L. The Changing Regional Faces of Peace: Toward a New Multilateralism? 2025 // <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13523260.2025>.
19. Kupchan C. No One's World. 2012 // <https://global.oup.com/academic/product/no-ones-world-978019973939>.
20. Walt S. The Hell of Good Intentions. 2018 // <https://us.macmillan.com/books/9780374280031>.
21. Wang Yiwei. The Role of BRICS in Global Governance. Journal of Chinese Political Science, 2020 // <https://link.springer.com>.

22. Weiss T., Daws S. The Oxford Handbook on the United Nations. 2018 // <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199688305.001.0001>.
23. Yan Xuetong. The Rise of China and Its Power Status. CJIP, 2021 // <https://academic.oup.com/cjip>.
24. Zhang Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. 2020 // <https://www.worldscientific.com>.
25. Zürn M. A Theory of Global Governance. 2018 // <https://global.oup.com/academic/product/a-theory-of-global-governance-9780198819990>.

G.E. ABBASOV

Postgraduate Student, Kazan (Volga Region)
Federal University, Kazan, Russia

CONTEMPORARY MULTILATERALITY IN THE CONTEXT OF A FRAGMENTED WORLD ORDER: UNIVERSAL AND REGIONAL LEVELS

This article examines the transformation of multilateral mechanisms of international interaction amid increasing fragmentation of the global system. As the effectiveness of universal institutions, such as the United Nations, declines, the importance of regionalized cooperation formats grows, offering greater flexibility, responsiveness, and legitimacy. The study draws on the works of A. Acharya [17], S. Walt [20], C. Kupchan [19], and L. Fawcett's concept of «new regionalized multilateralism» [18]. Russian approaches, including those of A. Dugin [7], T. Bordachev [3], F. Lukyanov [10], and K. Zatulin [14], highlight the influence of civilizational and cultural factors in shaping regional security models. The study also considers perspectives of leading Chinese scholars – Yan Xuetong [23], Wang Yiwei [21], and Zhang Weiwei [24] – demonstrating that regional coalitions play a pivotal role in forming alternative models of global governance. The findings show that regional multilateralism constitutes a central element of the contemporary architecture of world order.

Key words: international security, regional multilateralism, fragmentation, regional organizations, global governance, BRICS, United Nations.